

МАКС MAX

ПИЛОТ
РАКЕТОНОСЦА

Макс Мах
Пилот ракетноносца
Серия «Боевая фантастика (АСТ)»
Серия «Фортуна Эрика
Минца», книга 1

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48763343*

*Пилот ракетноносца: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-120087-9*

Аннотация

Это история успеха. История о том, как безродный сирота, выросший в трущобах самой грязной помойки планеты Эвр, делает стремительную карьеру в Военно-космических силах империи Торбенов. Это история выживания там, где всё решает способность ежедневно и ежечасно драться за кусок хлеба, за место у огня, за право дожить до рассвета. Эрик Минц прошел путь от безымянного воспитанника в богом забытом приюте на краю мира до блестящего офицера, которого сам государь-император наградил высшим орденом империи «Звездой и Мечом». Но между тем и этим были годы невероятного труда, взлеты и падения и, разумеется, космические сражения, в которых пилот тяжелого ракетноносца лейтенант Минц вел свой

ударный фрегат в самоубийственные атаки на вражеские корабли. И это были успешные атаки, поскольку в противном случае наша история закончилась бы гораздо раньше.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	52
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Макс Мах

Пилот ракетноносца

Низкий старт спортсмены заимствовали у кенгуру. Сжимаясь, как пружина, бегун после выстрела или команды стремительно выбрасывает тело вперёд.

* * *

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Макс Мах, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

Случай

15 марта 2531 года,

космическая станция «Птицелов»

Перед стыковкой, грузопассажирский транспорт, на котором на станцию «Птицелов» перебрасывали 3-й взвод 6-й роты, прошел мимо легкого крейсера «Наутилус». Кроме Эрика, никто из тридцати двух курсантов не читал Жюль Верна. Они о нем даже не слышали. Поэтому неудивительно, что название корабля заставило их гадать, что бы это могло быть: личное имя, инструмент – вроде пробойника или пневмосверла, звезда или планета. Еще это мог быть спутник, астероид или, скажем, гора на любой из трех десятков планет, входящих в состав империи Торбенов. Вариантов много, и не факт, что на самом деле «Наутилус» не является «потомственным» именем, переходящим от корабля к кораблю не одну сотню лет. Такое случается довольно часто, но о такой возможности подумал только Эрик, потому что читал книгу про капитана Немо и его подводный корабль. Он

даже помнил сноску, в которой разъяснялось, что наутилус – это головоногий моллюск. Другое дело, что Эрик не знал, сохранились ли еще где-нибудь на Старой Земле эти существа, и, если все-таки сохранились, как они должны выглядеть.

В любом случае он – по обычной своей привычке – не стал принимать участие в разговоре. Сидел молча, смотрел, как по экрану внешнего обзора проплывают хищные очертания ударного крейсера, заточенного, как он помнил из курса «*Боевой состав флота*», на «взлом» планетарной обороны, и думал о том, какому умнику пришло в голову назвать современный боевой корабль именем, которое практически ни у кого не вызывает никаких ассоциаций.

– А ты, Счастливчик, чего молчишь?

Счастливчиком Эрика назвал инспектор учебных заведений округа при переводе в училище пилотов. Назвал с иронией, подразумевающей *законченного неудачника*. Вьюн истории этой не знает и не может знать, – слышал что-то краем уха, и все, – но вот прикапываться к Эрику это ему совершенно не мешает. Штефан Бирн, как и большинство других курсантов, вырос в семье, а семьи на Иль-де-Франс обычно большие, – знает своих родителей, имеет множество братьев и кузенов. Кроме того, он попал в училище по реестровому набору рекрутов из колонии Новая Швабия – одной из пяти основных колоний континента Промисленд¹, – и это делает его здесь, да и везде на планете, «своим». А Эрик, мало то-

¹ От *англ.* promised land – земля обетованная.

го что штрафник, он везде – на планете, на континенте и в училище – чужак, да еще и безродный сирота ко всему. Глухнуть над такими, как он, легко и просто. Никто за него не вступится, потому что некому.

– Молчу, потому что сказать нечего, – ответил на подначку Эрик. – Извини.

Сказал спокойно, без агрессии. Равнодушным тоном «снулой рыбы», так как по опыту знал, что это лучший способ отделаться от Штефа и его подпевал, и снова оказался прав. Вьюн смерил его презрительным взглядом – типа *«ну что с тебя взять, с калечного»* – и вернулся к обсуждению названия крейсера, который он, к слову, опознал не как ударный, а как сторожевой. Судя по тому, что никто ему не возразил, большинство курсантов думали точно так же, – люди и вообще по большей части не любопытны и ленивы, – а те, кто знал правильный ответ, просто не захотели связываться, и Эрик их хорошо понимал. Бирн, как и большинство неумных задавал, критику не любит и никому никогда ничего не забывает. При этом парень он крупный – крупнее даже Эрика, – да и дерется хорошо. Во всяком случае, лучше многих. Так что связываться с ним себе дороже.

Впрочем, у Эрика мотив «не связываться» совсем другой. Если бы он захотел, то избил бы Вьюна до полусмерти, – и его, и его шавок, – но, наученный горьким опытом, делать этого не станет. Училище пилотов москитного флота не Смоляной городок, здесь калечить противника, тем более уби-

вать – нельзя. Мигом вышвырнут на свалку или запишут в «черный десант». И то, и другое означает конец, причем конец быстрый и печальный.

«Ладно, – решил Эрик, стараясь на всякий случай держать Вьюна в поле зрения, – терпеть осталось недолго: всего полтора года. Сущие пустяки! Я выдержу, я смогу...»

Он уже совершил однажды ошибку, замахнувшись не на того, на кого следует, и вот результат: вместо третьего курса звездной академии шестой курс в училище пилотов «москитных сил». И добро бы речь шла о настоящих москитниках – истребителях планетарных сил обороны или палубных истребителях тяжелых кораблей. С гораздо большей вероятностью всех их распределят на нижние палубы крейсеров и «носителей» или на такие вот орбитальные крепости, как «Птицелов», один из сегментов которого возник сейчас на обзорном экране. Кто-то же должен рулить на шаттлах, ремонтниках и прочей невооруженной мелюзге. Печально, разумеется, но Эрик умел принимать мир таким, каков он есть: лучше таскать почту и вывозить корабельный мусор, чем идти в первой волне десанта или «дрочить» на каторжных работах. Какой-никакой, а пилот и зауряд-офицер. Возможно, даже гардемарин². И потолок совсем неплохой: если пове-

² *Гардемарин* – звание унтер-офицеров в Русском императорском флоте, существовавшее с 1716 по 1917 год. С 1716 по 1752 и с 1860 по 1882 год звание гардемарина в Российском императорском флоте существовало как строевое, в остальное время гардемаринами называли воспитанников военно-морских учебных заведений.

зет, в отставку выйдет мичманом, а то и лейтенантом. Это уж как сложится. Во всяком случае, на нижних палубах будет ходить «гоголем», поплеывая на работяг через плечо, да и офицеры обычно относятся к пилотам нижнего звена вполне лояльно. Надо только знать свое место и не высовываться. Во всяком случае, до тех пор, пока не представится случай переиграть судьбу.

Если честно, Эрик редко предавался такого рода размышлениям. Ему не надо было себя ни в чем убеждать. Не склонный к пессимизму и унынию, он являлся человеком дела и всегда был *сам по себе* и *себе на уме*. Таким его сделала жизнь. Скрытным, осторожным и предельно внимательным. Он не станет лезть на рожон, и предаваться иллюзиям не будет тоже. Главное – выжить и не упустить случай. Возможно, как не раз убеждался Эрик, обычно открываются вдруг, и использовать их надо сразу. Если упустил свой шанс – вини только себя, потому что положиться тебе не на кого. Один раз он отступил от этого правила, понадеявшись на справедливость одних и благородство других, и ничего хорошего из этого не вышло. А ведь, если бы не расслаблялся, перспективы у него сейчас могли быть совершенно другие...

* * *

Вообще, если разобраться, Эрик невероятно везучий человек. Не зря его позже прозвали Счастливымчиком. Первый

раз ему повезло, когда самодельный нож какого-то мелкого негодяя из стаи Рыжих псов распорол Эрику кожу и тощую плоть, но застрял в ребрах. Не дошел, в общем, ни до сердца, ни до легкого. То есть, наверное, Эрику везло и раньше. Все-таки дожить в Смолянском городке до шестилетнего возраста, не имея при этом семьи и не являясь членом стаи, задача, как говорят математики, отнюдь не тривиальная. Тем не менее как-то же выжил!

Эрик не помнил, как ему это удалось, но факт, как говорится, налицо. Детских воспоминаний у него почти не осталось, хотя кое-что время от времени всплывало в памяти. Он помнил, например, подвал сгоревшего дома, где какой-то беззубый старик в лохмотьях учил детей грамоте и счету. Воспоминание было туманным и включало в себя запах гари и чувство голода. Однако, как ни крути, читать-то он тогда все-таки научился и, значит, провел в том подвале не день и не два.

Еще вспоминались помойки. Не одна, а много разных. Еды там практически не было – разве что крысу прибьешь, – но можно было найти что-то, за что старьевщики платили настоящие деньги. Немного. Грош или два, что бы это ни было и сколько бы ни стоило на самом деле. Но два грошика – это полбуханки суррогатного хлеба, а для такого маленького мальчика, каким был тогда Эрик, это еда на два дня. Или даже на три, если наступала голодная полоса.

Голод, боль и холод. Вот что вспоминалось отчетливо.

Остальное, как в тумане. Драки. Драк, похоже, было много. Боль и кровь, злость и страх. А еще чердаки и подвалы Смоляного городка. Другие дети. Кое-кто из них говорил на ланге, но большинство – на местных диалектах дойча и руза³. Это Эрик помнил твердо, а вот лица и события не запомнились. Все смутно и нечетко – память ребенка, медленно умирающего от голода. И все-таки главное в этой истории не страдания и невзгоды, которые он претерпел, а то, что там и тогда Эрик выжил. По-видимому, ему очень сильно повезло, как повезло и в тот день, когда заточка рыжего сучонка застряла у него в ребрах. Тогда его пожалел какой-то старьевщик. Отогнал стаю. Кажется, даже стрелял поверх голов из дробовика. Притащил истекающего кровью Эрика в свою берлогу – вспоминалось темное, задымленное, но при этом пахнущее едой помещение, – вытащил из тела нож, обработал рану. Зашил. А потом сдал Эрика в детский дом, что, наверное, было совсем непросто. Слишком много беспризорников пряталось по щелям в руинах Старого порта и в трущобах Смоляного городка.

Детский дом, в который попал Эрик, был ужасным местом. Там тоже все время было холодно, голодно и страшно. Чего конкретно боялись дети, Эрик теперь вспомнить не мог, хотя и догадывался. И еще там постоянно дрались. За

³ Ланг – (от *Langue* – язык, *лат.*) – общеупотребительный, универсальный язык в империи Торбенов и в некоторых других мирах; *дойч* – язык немецкоязычных колоний; *руз* – язык русскоязычных колоний.

еду, за место у печки, за всё. Но вскоре ему повезло снова. Новый губернатор – подоплеку событий он узнал много позже – начал наводить порядок в Смолянском городке. Детский дом, а по сути, обычный рабочий дом для мелких трудяг, был упразднен, и Эрик с несколькими другими мальчиками и девочками попал в «Новый сад» – сиротский приют, расположенный на окраине Туманной долины – маленького городка, затерявшегося в горах водораздела. О том, как ему повезло, Эрик догадался не сразу. Но зимой разразился чудовищный экономический кризис, и на Северном материке от холода – не хватало топлива, – голода и эпидемий вымерло до шестидесяти процентов населения.

Детям в «Новом саде» тоже пришлось туго. Но эпидемии так высоко в горы не добрались. Топлива хватало – городок располагался в самом сердце реликтовых эндемических лесов, покрывавших тысячи квадратных километров незаселенной горной местности. Здания приюта, больше похожие на тюремные бараки, стояли на берегу большого горного озера, а это чистая вода, рыба, которую ловили сами дети, и кормильные уголья сирен⁴, на которых старшие дети во главе с воспитателями пытались охотиться прямо с лодок, вооружившись топорами и самодельными острогами. Ну и горожане, как ни странно, помогали чем могли. Охотники иногда

⁴ *Сирены* – отряд травоядных млекопитающих, живущих в воде, в том числе и в пресной. На планете Эвр (Эвр в древнегреческой мифологии – божество восточного ветра) адаптировались и размножились после второго этапа терраформирования (около ста пятидесяти лет назад).

притаскивали в «Новый сад» подстреленных ими оленей и кабанов – каждый второй в городе был браконьером или контрабандистом, – а мельник отдал сиротам несколько мешков тронутого морозом зерна. Поэтому в приюте никто той зимой не умер. А в Смоляном городке, как рассказывали, не выжил практически никто.

Эрик прожил в «Новом саде» четыре года. Не самое счастливое время в его жизни, но и не самое поганое. Во всяком случае, здесь его не преследовали голод и холод, а драться приходилось не больше, чем в других местах. Учителей как таковых в приюте, разумеется, не было, одни наставники, но зато в городе имелаась библиотека бумажных книг, которыми практически никто не пользовался. Эрик читал на ланге и на рузе, а потом выучил еще и дойч, на котором в приюте говорило большинство детей и воспитателей, и стал едва ли не единственным пользователем городской библиотеки. Там, к слову, он и наткнулся на записанный с чьих-то слов пересказ романа Жюль Верна *«Наутилус капитана Немо»*. Первоисточник, по-видимому, не пережил Долгую ночь, но Эрик умел довольствоваться малым.

Жизнь в «Новом саде» подчинялась строгому распорядку. Шесть часов в день дети работали на благо приюта – уборка территории, ремонт помещений, заготовка дров и многое другое, – два часа разучивали под руководством рукоположенного пастора молитвы и псалмы и еще четыре часа учились. Эрик не был уверен, что верит в Бога, но даже если бы

верил, он не знал, к какой именно конфессии принадлежит по праву рождения. Поэтому – и от нечего делать – на уроках Закона Божия он тихо сидел в самом дальнем углу и читал все подряд, что попадало под руку на полках в шкафу пастора: католическую Библию на ланге, православный требник и еврейский молитвенник на рузе, Талмуд и Коран на дойче. Но главное, он не мешал остальным детям петь псалмы, и пастор его за это по-своему уважал.

На других уроках наставники учили детей писать, читать и считать – большинство из сирот вне зависимости от их возраста были неграмотными – и пытались рассказывать им об истории и географии Эвра и империи Торбенов. Эрику все это было ни к чему. В библиотеке нашлось несколько весьма полезных для расширения кругозора книг: «Династия Торбенов», «Империя превыше всего», «Звездный атлас с комментариями», «Имперская провинция Эвр», «Всеобщая история» Герлиха и довольно много учебников по математике, физике и химии. Вот их он и читал. И, как оказалось, не напрасно.

* * *

Эрик прожил в «Новом саде» четыре года. На самом деле чуть больше, но в данном случае можно и округлить. А потом к ним нагрянула инспекция. Внезапно и неожиданно, поскольку до этого если кому и было дело до сирот, так

только городскому голове. Приют находился на городском бюджете. Вот их никто и не проверял. Все, что следует, в городе знали и без проверок. Но, как оказалось, теперь про «несчастливых сирот» вспомнили в руководстве лёна, и не без причины.

Губернатор провинции Эвр приказал развернуть полтора десятка новых военно-технических школ, поскольку армия, флот и промышленность неожиданно ощутили дефицит квалифицированных кадров низшего звена. Попросту говоря, всем нужны были обученные и вымуштрованные на солдатский манер работяги, и первым делом в администрации губернатора вспомнили про детские дома. Кадры небезупречные и в чем-то даже проблемные, но зато их можно рекрутировать, не вызвав принудительным набором политических волнений в городских и сельских коммунах. Так Эрик попал в Праг – крупный промышленный центр на Южном континенте.

Проверку рекрутов производили в ускоренном режиме, поэтому, выяснив, что Эрик говорит и читает на нескольких языках и знаком с основами естественных наук – на всё пошло круглым счетом пять минут, – его послали в школу младших техников ВКС⁵. А поскольку разговаривавшая с ним дама из комиссии не захотела затруднять себя лишними вопросами, Эрик, во-первых, попал сразу в третий класс, где учились в основном двенадцатилетние дети, а во-вторых,

⁵ ВКС – военно-космические силы.

вместо клички Крепыш, под которой прожил предыдущие четыре года, получил фамилию Минц. Ни одно, ни другое его не возмутило. Минц так Минц, третий год обучения, значит так и будет. Эрику было не привыкать встраиваться в новую для него систему отношений, и он в нее встроился.

Может быть, для кого-то учеба в государственной технической школе казалась наказанием, вроде тюрьмы или каторги, но для Эрика это была настоящая удача. Казенная форма, продовольственное и вещевое довольствие, собственная кровать в казарме – о чем еще можно мечтать после того, через что он прошел? А то, что ребята в основном старше его по возрасту, так и Эрик не лыком шит. Парень он от природы крупный, драться умел и правила выживания знал наизусть, как «Отче наш».

Первым делом Эрик внимательно изучил «доставшийся» ему по случаю коллектив. Класс – сорок человек, поток – сто шестьдесят. Учатся вместе с самого начала и за прошедшие два года успели притереться и определились с тем, кто у них главный, а кто шестерит. Эрик «рулить» не хотел, но и в «рабство» попадать не желал. Пришлось драться. Сначала бить, потом объяснять свою позицию словами. Кулаки оказались убедительнее слов, но и слова не пропали втуне. Разобрались, перетерли, пришли к соглашению. Эрик на власть «элиты» не посягает, а они его не прессуют. Пусть живет, как хочет, а это значит, сам по себе.

Это Эрика вполне устраивало, ему ни друзья, ни компа-

ния не нужны, и статус – без надобности. Так что устроился он совсем неплохо: койка в дальнем углу казармы и место в любой очереди – за едой, в душевую, везде – в середине строя. Не первый, но и не последний. Кому другому такое могло не понравиться, а ему в самый раз. Он и учился, следуя тому же принципу: не выставляться, но и не «проседать».

Учиться в технической школе оказалось нетрудно. Математику и физику, как вскоре выяснилось, Эрик знал гораздо лучше одноклассников, а то, чего не знал, легко наверстывал. Руки у него тоже росли из правильного места. Посмотри разок, как обращается со станком или прибором профессионал, и сразу же может эти действия повторить. Сначала, правда, кое-как, но через день-два – так, как надо. По-настоящему трудным для Эрика оказалось только одно – научиться пользоваться компьютерами. Он ведь вырос в настоящей глуши, где электроники было мало, и уж точно, что ее не было в приюте, в котором он жил. В том мире, откуда Эрик прибыл в Праг, даже телевидение имелось еще не везде, а в технической школе, где он теперь учился, напротив, не оказалось ни одной бумажной книги. Вся информация только на носителях, в сети, куда можно попасть не иначе как через терминал, или в архивных блоках. У него заняло достаточно много времени, чтобы понять принцип работы всех этих приборов, но, как только он разобрался, дело пошло легко и быстро. Через год он уже работал с компьютерами лучше всех на потоке, хотя знал об этом только он сам. Но ему не

слава была нужна, а возможность учиться, и он учился.

Прошло еще немного времени, и Эрик с удивлением обнаружил «границы дозволенного». В сети существовали барьеры, через которые просто так не пройдешь, потому что доступ к хранящейся за ними информации строго ограничен. Получить туда допуск можно, только если имеешь специальные коды, выполняющие в электронных сетях роль особых ключей к весьма сложно устроенным замкам. Ну, а где есть ключ и замок, должны быть и отмычки. Для Эрика это было очевидно, но на то, чтобы «подобрать отмычки» и научиться ими пользоваться, ушел еще один год. Впрочем, ничего особенно ценного для себя Эрик во вскрытых им «сейфах и тайниках» не нашел. Ему эта информация была без надобности. Ни использовать, ни продать ее он не мог. Оставалось пожать плечами и заняться чем-нибудь другим.

Однако вскоре в голову Эрика пришла одна многообещающая идея, и приобретенные навыки в работе с электронными сетями оказались востребованы. К этому времени он уже учился в пятом классе и, значит, заканчивал школу. По имперским законам с пятнадцати лет можно уже работать, а то, что Эрику всего тринадцать, никого, в сущности, не волновало. Закончил курс? Может работать? Милости просим в ВКС, господин технический специалист 3-го класса. На корабли по возрасту еще нельзя, но кто мешает мальчику вкалывать на планетарной базе? Вопрос, где именно?

Для начала Эрик попытался выяснить, куда его собирают-

ся распределить. Оказалось, на орбитальную станцию «Часовой-2», здесь же на Эвре. Это было не хорошо и не плохо. Техник 3-го класса, он везде относится к младшим чинам. Но вот если попробовать реализовать ту идею, что пришла Эрику в голову, то распределение на Эвр следовало сразу же отменить как негодное. Ну, Эрик его и отменил, послав себя на Иль-де-Франс, служить на орбитальной крепости «Вобан», защищающей вторую по важности планету империи. Задача оказалась не из простых. Эрик потратил на взлом системы и замену данных девять ночей, но результат того стоил. В тот же момент, как одни данные были заменены на другие, программа кадрового отдела флота автоматически внесла все необходимые изменения. Замена вещевого довольствия типа Б23 на тип В9, проездные документы до точки назначения, само назначение и, наконец, подъемные. Ему же почти месяц добираться с Эвра на Иль-де-Франс. Флотские его, конечно, обеспечат солдатским рационом на любом транспорте, но все-таки без денег тоже нельзя. Есть правила, а правилам обязаны следовать все. Тем более если ты не человек, а компьютерная программа.

Следующий этап потребовал от Эрика высшего напряжения всех его сил и занял почти два месяца. Однако в результате среди несметного количества документов кадрового отдела ВКС возник и тут же спрятался в тени файл с личным делом Эрика Минца. Вот только этому Эрику и в самом деле недавно исполнилось пятнадцать лет, и он заканчивал обу-

чение не в технической школе ВКС для младших чинов, а трехлетний подготовительный курс для поступления в высшие учебные заведения флота. Соответственно, и распределение у этого Эрика Минца было иным – прямиком в Космическую академию на Иль-де-Франс.

Завершив эту тонкую и крайне сложную работу по изменению своей собственной судьбы, Эрик взялся изучать все то, что – согласно учебным планам и требованиям отдела высших учебных заведений ВКС – должен знать выпускник подготовительных курсов. Пришлось по-быстрому навестать «пропущенное»: кое-что в программе по математике и физике, значительно больше в астрономии и звездной картографии, и, разумеется, следовало навести на Эрика Минца некоторый необходимый в элитном учебном заведении лоск. Эрик совершенно не знал протоколов поведения в тех или иных ситуациях, не умел пользоваться столовыми приборами, не был знаком с этикетом, да и культуру речи следовало подтянуть. Знание четырех языков – а Эрик за прошедшие два года выучил еще и франк⁶ – не означало, что он умеет говорить и писать на них грамотно. Это следовало исправить, прежде всего, для того, чтобы не привлекать к себе внимание. Та еще задача, но Эрик к этому времени уже знал, что он умнее большинства встреченных им в жизни людей, обладает сильной памятью и способен учиться быстро и эффективно.

⁶ В данном случае имеется в виду некая версия французского языка.

30 июня 2529 года Эрик завершил обучение в технической школе, получил направление на Иль-де-Франс, деньги и проездные документы и отправился в путь. Однако, добравшись до космопорта Эвр-2, он предпринял ряд действий, вследствие которых один Эрик Минц исчез, а другой – возник. Первым делом, воспользовавшись деньгами, которые он потихоньку – малыми суммами – выигрывал у одноклассников в карты, Эрик выкупил на почте заказ, сделанный им еще месяц назад от имени замдиректора подготовительных курсов флота «Эвр ВКС УК». Получив новую форму, Эрик переоделся и пошел в Транзитное бюро. Там он доложил старенькому лейтенанту, ведавшему транзитными документами военнослужащих, и попросил об одолжении: распечатать со служебного терминала бумаги, которые он утром не успел оформить на курсах. Боялся, дескать, опоздать на свой борт, а на курсах, как назло, полетел генератор и зависли все компы.

Разумеется, это являлось нарушением правил, но, насколько знал Эрик, нарушением мелким, каких делается огромное множество в силу того бардака, который творится с документами на периферийных планетах. И Эвр, на счастье, был одной из таких планет. Лейтенант это тоже знал, а потому пустил вежливого, одетого по форме молодого человека

за свой терминал. Получив доступ, Эрик ввел все необходимые пароли и коды и буквально в три движения вытащил из тени один файл и отправил вместо него «в тень» – другой. Отдав приказ на распечатку, он сразу же встал из-за терминала, вежливо поблагодарил старичка, взял из принтера направление и проездные документы и отправился в путь.

До старта челнока еще оставалось время, и Эрик успел получить положенные его новой личности деньги. Кассовый автомат узнал введенный Эриком код, сопоставив его с тем личным делом, которое возникло в кадровом управлении флота буквально полчаса назад, и без проблем выдал требуемую сумму. Так что путешествие получилось хоть и долгим, но в некотором смысле даже приятным. Эрик ведь до сих пор никуда не летал, а тут одних транспортов ВКС он сменил три. Побывал в двух космопортах и в первый раз в жизни посмотрел те голофильмы, про которые до сих пор только читал.

Дорога заняла сорок два стандартных дня, и в середине августа – за две недели до начала учебного года – Эрик вошел в двери *Космической академии Иль-де-Франс*. Там его приходу сначала удивились – из такой глуши, как Эвр, никто к ним давным-давно не поступал, если когда-нибудь поступал вообще, – но, проверив документы в кадровом управлении флота, были вынуждены признать, что чудеса еще случаются. И Эрик был зачислен на первый курс тактического факультета. Собственно, на это он и рассчитывал. С одной

стороны, факт зачисления на факультет провинциала был не настолько уж вопиющим, чтобы поднимать из-за этого шум и выяснять отношения с кадровиками ВКС. А с другой стороны, Эрик мог быть уверен, что не встретит здесь ни одного выпускника подготовительных курсов флота на планете Эвр. Их сюда просто не пошлют. Но если руководство академии лишь недоуменно пожало плечами, то курсанты-первокурсники молчать не стали.

Слушатели академии считались элитой военно-учебных заведений флота. Это были парни и девушки из хороших – и зачастую хорошо известных в империи – фамилий, получившие к тому же блестящую подготовку в лучших гимназиях и лицеях планеты. Со временем, закончив курс обучения в космической академии – на тактическом, навигационном или логистическом факультетах, – они должны были пополнить ряды офицеров «пилотажной линии», то есть распределиться на тяжелые корабли ВКС и начать восхождение к высшим флотским должностям. Соответственно, эти ребята цену себе знали и положением своим гордились. Так что их реакцию на появление в академии жалкого – да к тому же безродного – провинциала было легко предугадать. Ну, Эрик, на самом деле, ничего другого от них не ждал, поэтому не удивился и не расстроился, когда курсанты первого курса – не все, разумеется, а лишь некоторые, что по большому счету ничего не меняло, – попробовали довести его до позорного бегства. Не на того напали.

Эрику ни их дружба, ни их улыбки даром были не нужны. Хвастовство вещами и деньгами его не трогало. Завидовать он попросту не умел. Ну, а когда его начали бить, сразу выяснилось, что попытки эти чреватые, потому что драться Эрик учился не в спортзалах и не с такими чистенькими и гладенькими мальчиками и девочками. Тем не менее противостоять в одиночку сразу всем – хотя, правду сказать, большинству курсантов не было до него никакого дела – непростая задача, но Эрик старался.

В очередной раз его «зажали» накануне начала учебного года. Увидели, как он спустился на минус второй этаж, где размещались залы для индивидуального тренинга, и сразу же перекрыли вход-выход в один из таких залов, где как раз начал свою тренировку Эрик. Время было позднее. Этаж пустовал, и пятерым парням и двум девушкам показалось, что им представился самый подходящий случай набить выскочке морду. Не знали они только того, что это не они поймали Минца, а он заманил их в сознательно организованную ловушку.

Будучи хладнокровным, но главное, разумным человеком, Эрик понимал, что бесконечной войны со своими недоброжелателями может и не выдержать. В дортуаре – а кадеты первого курса спали в общих спальнях, – в душевых, на физподготовке в парке, окружающем комплекс зданий академии, где-нибудь когда-нибудь, но они его достанут. Поэтому следовало нанести превентивный удар такой силы,

чтобы отбить охоту пробовать на нем свои «зубы» раз и навсегда. А для этого он должен был устроить своим недругам «показательную порку». Однако делать это на верхних этажах было нельзя. Узнают преподаватели, он же и окажется виноватым. А вот в тренировочном комплексе, да к тому же в поздний час...

– Ну, что, «мурзик», потанцуем? – первой, как и следовало ожидать, начала «разговор» Клодина Люфор – дочь вице-адмирала, командовавшего на данный момент 7-й флотилией.

– Я весь ваш, мадемуазель, – улыбнулся Эрик, переходя на франк. – Танец с вами – это такая честь!

– Героя из себя строишь? – А это уже Иан Вонг, мечтающий, как догадывался Эрик, залезть Клодине в трусы, а значит, он будет не столько бить «подлеца», сколько стараться показать себя перед дамой во всей красе.

Девушка была и в самом деле хороша, но, на вкус Эрика, слишком женственна. Драться с ним она не будет. Как только начнется свалка, отойдет за спины своих паладинов⁷ и будет их оттуда подбадривать. А вот Иан противник серьезный. Крепкий парень, сильный, тренированный. Одна беда, он боксер, а бокс для уличной потасовки не подходит. Один на один и при соблюдении строгих правил поединка он был

⁷ *Паладин* – название высших придворных, военных и гражданских чинов при дворе римских и византийских императоров; рыцарь из высшего сословия, фанатично преданный какой-либо идее или какому-либо человеку.

бы опасен, а в массовке – нет.

Остальных ребят Эрик знал пока плохо, так что судить об их силе мог только по внешнему виду, поведению и манере двигаться. Трое показались ему всего лишь «пушечным мясом». По-настоящему опасными выглядели худощавый, но жилистый Андрей Мельник и опасная красотка – сестра Андрея Вера, дети другого известного адмирала. Эти двое двигались на особый манер. Наверняка занимались каким-то из китайских или корейских боевых искусств, что было не слишком хорошо. В прошлом Эрику приходилось драться с китайцами, и он помнил, какими трудными противниками они могут быть. Но, с другой стороны, те ребята, в отличие от Мельников, были опытными уличными бойцами, а Вера и Андрей, скорее всего, никогда и ни с кем по-настоящему не дрались.

– Героя из себя строишь? – спросил Иан Вонг.

– Ну, какой из меня герой, – пожал плечами Эрик.

– А вот сейчас и узнаем!

Удар без замаха, и не с правой руки, как можно было ожидать, а с левой. Но Эрик характер атаки угадал и сместился вправо, одновременно нанося удары левой рукой и правой ногой. Кулак в бок, мыском ноги под челюсть, и, завершив свой «выпад», Эрик ныряет под ноги бездарно сгрудившимся перед ним оппонентам. Двоих он тут же свалил, как кегли в кегельбана, проскользнул мимо третьего и оказался лицом к лицу с отскочившей назад Клодиной. Жалко было портить

такую красоту, но *на войне как на войне*. Эрик нанес два стремительных, но не слишком сильных удара по лицу – синяк под глаз и сломанный нос – и сразу же развернулся к Мельникам. Эти атаковали его одновременно с двух сторон. По-видимому, привыкли работать в паре, и на несколько мгновений Эрик попал под жесткий – прямо сказать, убийственный для любого другого парня – прессинг. Били они его грамотно и сильно, но их подвел темп. Эрик был в принципе быстрее. Он видел их несколько замедленными по отношению к самому себе и опережал в движении. Поэтому принимал удары на предплечья, а через секунду или две начал отвечать, и сразу же оказалось, что они действительно спортсмены, а не бойцы. Держать удар по-настоящему не умели и были чувствительны к собственной боли и особенно – к крови. Достаточно было разбить Андрею нос и рассечь Вере губу, и оба сдулись, как проколотые шарики. Теперь их на какое-то время можно было оставить в покое – пусть зализывают раны – и попытаться максимально быстро и эффективно вывести из строя массовку. Тогда можно будет добить Вонга и вернуться к Мельникам. Однако планам его не суждено было сбыться.

– Прекратить!

Приказ ударил, как хлыст.

– Кадеты, смирно! Руки по швам!

Тот, кто отдавал приказы, умел это делать и, судя по интонации, был уверен в своем праве их отдавать. Это даже

Эрик уловил, что называется, с полуслова. Отскочил в сторону, чтобы кто-нибудь не вмазал по инерции. Встал смиренно, прижал руки к бокам. Все остальные тоже отреагировали, хотя и не так быстро, как он. Застыли кто где, но все, как и Эрик, смотрели на дверь, в проеме которой стояла высокая стройная девушка в темно-синей форме со знаками различия гардемарина действительной службы. Если бы не ее властный тон и безукоризненная внешность – не красавица, как Клодина, но порода чувствуется, – Эрик мог бы еще засомневаться. Но по совокупности признаков решил, что девушка только что вернулась с летней практики. Кадетам, перешедшим на четвертый курс, перед выходом на практику присваивали звание гардемарин, что позволяло при выпуске сделать их всех младшими лейтенантами. Все это Эрик знал теоретически, но, глядя на девушку, решил, что так оно и есть. Что ж, она офицер, а они кадеты первого года обучения, все права у нее.

- Ты! – указала она пальцем на Эрика. – Представься!
- Эрик Минц, ваше благородие⁸!
- Что здесь происходит, кадет Минц?
- Учебный спарринг, госпожа офицер.
- Господин!
- Прошу прощения? – не понял Эрик.
- На флоте есть только господа... К которым обращаются

⁸ Здесь и далее автор использует некую смесь званий и обращений, состоящую из элементов, относящихся к Русскому императорскому флоту и ВМС США.

по званию.

– Так точно, господин гардемарин, – исправил свою оплошность Эрик.

– Так-то лучше, – холодно заметила девушка-гардемарин и повернулась к другим участникам драки.

Сейчас Эрик ее уже рассмотрел. Первое впечатление оказалось верным. Высокая, стройная – или, возможно, поджарая, – с узкими бедрами и маленькой грудью. Не красавица, но правильные, чуть жестковатые, возможно, даже хищные черты лица выдают породу, чем бы это ни было на самом деле. Происхождение явно европейское, без примесей чужой крови, волосы светло-русые, глаза серые, кожа белая.

– Ты! – палец указывает на Клодину Люфор, лицо которой было залито кровью и соплями.

– Клодина Люфор, господин гардемарин, – прогундосила блондинка в разбитый нос.

– Ваша оценка обстановки, кадет.

– Учебный спарринг, господин гардемарин, сэр.

– Что-то пошло не так? – На этот раз палец указывает на Веру Мельник.

– Так точно, ваше благородие! Увлёклись!

– Жалобы? Претензии?

– Никак нет! – сразу за всех отвечает Клодина, остальные молчат, подтверждая этим ее слова.

– Вольно! – командует девушка-гардемарин. – Разойтись!

На этом все, собственно, и закончилось. Причем речь шла

не только о драке, и даже не столько о ней. Неожиданно все оставили Эрика в покое, и произошло это сразу вдруг, как если бы кто-то облеченный властью отдал такой приказ. Но никаких разговоров на эту тему – даже шепотом или вполголоса – Эрик не слышал. Никто ничего об этом не говорил, не обсуждал случившееся и ни на что не намекал, просто вдруг все прекратилось, как отрезало. Было одно, стало другое. И более того. Если абсолютное большинство кадетов, включая бывших антагонистов, относилось к Эрику индифферентно – есть и есть, – кое-кто внезапно проявил к нему очевидный дружеский интерес. Выглядело это более чем подозрительно, но по факту сблизиться с Эриком захотели Андрей и Вера Мельник.

Сначала предложили вместе потренироваться.

– Драться с тобой себе дороже, – беззлобно усмехнулся светловолосый и светлоглазый Андрей. – Махаться не будем, будем тренироваться.

И действительно, пошли в зал и без злобы и остервенения выполнили несколько спаррингов. Оценили технику друг друга, обсудили достоинства и недостатки двух разных стилей и начали тренироваться вместе. Вера учила Эрика правильным движениям, что оказалось весьма полезно, так как на занятиях по самообороне тренер обучал кадетов именно правильному бою, и здесь навыки Эрика никак не подходили. Но вот на личных тренировках брат и сестра Мельники хотели освоить именно технику и тактику уличной драки. И

тут экспертом и наставником выступал уже Эрик.

Слово за слово, стали общаться и вне тренировочных залов. Но Эрик все равно держал ухо востро. К Вере – а она, как назло, была красивой девушкой – относился по-дружески, но без панибратства. Вел себя сдержанно, не давая повода заподозрить в ухаживаниях. С остальными – еще несколькими парнями и девушками, составлявшими круг общения брата и сестры Мельник – было и того проще. С ними Эрик вел себя ровно: не друг, не враг и не чужак. Свой, но сблизиться по-настоящему даже не пытался. Простое знакомство, чуть окрашенное дружескими чувствами, его вполне устраивало, их, похоже, тоже.

* * *

Учиться в академии оказалось не только увлекательно, но и приятно. Хорошие преподаватели, интересные предметы. Отличное техническое оснащение классов и тренировочных залов и великолепные – в особенности, на взгляд Эрика – условия жизни. Кадеты жили в дортуарах на четверых с прилегающим к спальне санузелом. Удобные кровати, общее и индивидуальное освещение, кондиционирование воздуха. В помещениях академии никогда не бывало ни слишком жарко, ни слишком холодно: температура воздуха и его химический состав, как, впрочем, и освещение, отвечали стандартам, принятым на кораблях ВКС. К этому кадетов и приуча-

ли.

В кантине – большой столовой на минус первом этаже – была воспроизведена обстановка офицерской кают-компании. Без роскоши и излишеств, но все стандарты соблюдены. Столики на четверых – впрочем, без права выбирать, с кем сидеть, и с постоянной ротацией сотрапезников каждую неделю, – столовые приборы, хорошая посуда, и два блюда на выбор на завтрак, обед и ужин. Тихая музыка, приглушенное освещение. Кроме того, в трапезной находились холодильники открытого доступа и кофейные автоматы. С пяти часов утра и до одиннадцати часов вечера кадеты могли получить здесь чашку чая или кофе с сахаром и молоком, бутерброд с сыром и ветчиной, сухие бисквиты и какой-нибудь сезонный фрукт, яблоко, скажем, грушу или апельсин.

Так хорошо Эрик не жил никогда в жизни. Он не подавал вида, но практически все, чем кормили кадетов, было ему незнакомо. Никакой синтетики и пищевых заменителей здесь не было и в помине. Все блюда приготовлены из натуральных продуктов и имеют сбалансированную ценность по калорийности и содержанию витаминов и микроэлементов. И, разумеется, никаких ограничений в получении добавки. Если организм требует больше того, что предусматривает стандартная порция, бери еще, отказа не будет. Раз в неделю – в воскресенье – кадетам полагался праздничный обед с пирогом или пирожными на десерт и с бокалом красного вина, а по средам все меню было составлено только из

тех продуктов и блюд, какие могут быть поданы в офицерской кают-компании эсминца или крейсера. Попробовав то, чем будут кормить на кораблях, Эрик окончательно понял, какой жизненный рывок он совершил.

Но и это еще не всё. На второй день пребывания Эрика в академии его вызвали в административное здание. Здесь кроме положенных всем кадетам двух комплектов повседневной и одного – парадно-выходной формы, Эрик, как сирота, находящийся под опекой государства, получил большую сумку-баул с «личными вещами», которые не мог купить сам. В сумке находились белье, носки, спортивный костюм и кроссовки, предметы гигиены, включая бритву, которая Эрику была пока не нужна, и множество других вещей, о существовании которых он до сих пор знал только теоретически или не знал вовсе. Кроме того, он получил персональный мобильный комп, электронные часы со встроенным коммуникатором, беспроводные микротелефоны для ушных раковин и стипендию в размере ста кредитов, которую обещали выдавать каждый первый день месяца.

Деньги, как вскоре понял Эрик, нужны были для выходов в город. Раз в две недели кадеты получали увольнительную в Гренобль, где можно было сходить на концерт или в кино, съесть что-нибудь вкусное, выпить пива или даже чего-нибудь покрепче. Если не шиковать, ста кредитов в месяц вполне хватало, чтобы не чувствовать себя обделенным.

В первую увольнительную Эрик пошел один, но уже во

вторую – Андрей и Вера предложили ему присоединиться к их компании. Эрик вежливо отказался. Его соображения были очевидны, но не говорить же о них вслух. Но дураков в космическую академию не берут. Вера перехватила его в коридоре, отвела в сторону и переговорила, что называется, с глазу на глаз, объяснив вполголоса, что, во-первых, бедность не порок, а во-вторых, Андрей все равно будет платить за всех.

– Мы богатые, – Эрик уже знал, что Мельникам принадлежит огромная латифундия на Агре, – мы можем себе позволить...

* * *

Первый год обучения пролетел так быстро, что Эрик даже оглянуться не успел. Учиться ему было нетрудно – он легко и быстро усваивал материал любого объема, – и это сразу же открыло перед ним совершенно невероятные возможности. Он мог изучать факультативно все, что в голову придет. Ему пришлось: понять принципы астронавигации и физику пилотирования космических кораблей в звездных системах. А еще он постоянно расширял свой кругозор. Эрик ведь практически не знал, что такое театр или симфонический оркестр, никогда не слышал классической музыки, не видел произведений живописи. И тут ему очень помогла Вера Мельник. Она подсказывала, что стоит посмотреть в теат-

ре или в кино, что послушать, какую книгу прочесть или на какую выставку сходить. При этом ни он, ни она не рисковали сократить дистанцию, которую Эрик установил между ними с самого начала. И лучше бы так и продолжалось, но, как говорится, черт попутал.

Лето Эрик провел, оставшись в академии практически в одиночестве, но ему это не мешало. Напротив, не имея никаких особых планов и обязательств, он взялся за изучение классической литературы на тех языках, которые знал. После Отката и особенно после Долгой ночи сохранилось не так уж много книг, относящихся к «золотому веку» в истории Старой Земли. Образованный человек должен был эти книги прочесть или хотя бы ознакомиться с их содержанием в пересказе или посмотрев экранизацию. Эрик делал и то, и другое. Читал книги и смотрел голофильмы, заодно запоминая имена актеров и режиссеров, хорошо звучащие фразы или древние поговорки.

В остальное время он занимался на тренажерах и в симуляторах, учился водить наземный транспорт, изучал краткие сводки данных по географии и истории планет империи и сопредельных государств, – многие из которых являлись в прошлом или могли стать в настоящем и будущем предполагаемыми противниками империи Торбенов, – а заодно учил спен⁹. На этом языке, как оказалось, говорила едва ли не треть населения страны. Не на Иль-де-Франс, разумеется,

⁹ Спен – вариант испанского языка.

где в ходу в основном были ланг, руз и франк, а на других планетах. На Толедо, например, на Маракайбо и на Хихоне. В любом случае офицеру флота стоило владеть и этим языком тоже, тем более что, зная франк, выучить спен не составило труда.

Так прошло лето, а осенью – занятия во всех учебных заведениях империи по традиции начинались первого сентября – выяснилось, что к хорошему привыкать не следует. К началу учебного года кадеты вернулись в академию, и на первых порах – в последние дни каникул и в первые дни учебы – все было по-прежнему, но вскоре Эрик почувствовал, как что-то начало неумовимо меняться в том, как относились к нему однокурсники. Впрочем, чего-то в этом роде он, на самом деле, уже ожидал. Дело в том, что еще в прошлом году Эрик вычислил источник своего благоденствия и знал своего благодетеля, что называется, в лицо. Это была та самая девушка-гардемарин, которая остановила памятную драку. Каким-то образом Анна Монк сумела изменить враждебную обстановку на нейтральную. Как она это сделала и почему, Эрик не знал. Он с ней и двух слов за весь год не сказал, хотя очень хотел ее поблагодарить и не только. Но это было невозможно. Где он и где она! Она – офицер флота, а он всего лишь кадет первого года обучения. Ей девятнадцать лет, а ему даже по подложным документам всего пятнадцать. Однако летом гардемарины четвертого курса выпустились из академии, Анна стала младшим лейтенантом флота и убыла

к месту прохождения службы. И Эрик остался без защиты.

Враждебность нарастала медленно, но неумолимо. И самое обидное, что уже в декабре изменения эти коснулись единственных более или менее близких ему людей – Андрея и Веры. Весь прошлый год Эрик общался с ними достаточно много и успел понять, что какими бы ни были его отношения с Мельниками вначале, все это безвозвратно прошло. Они даже летом связывались друг с другом, благо коммуникаторы всегда под рукой. Болтали о разной всячине. Делились впечатлениями от прочитанных книг. После каникул встретились как друзья, если не сказать больше, имея в виду Веру Мельник. И вдруг все снова изменилось. Первым отдалился Андрей – хмурый и злой, он появлялся время от времени где-то на периферии личного пространства Эрика, – но вскоре волна холодного отчуждения коснулась и Веры. Впрочем, ее хватило ненадолго. «Помучилась дурыю» день-два, а потом...

Она перехватила Эрика в коридоре, зло посмотрела прямо в глаза и спросила без предисловий:

– Кто ты такой?

Сначала Эрик удивился:

– Ты о чем?

Но Вера давила, не оставляя времени на размышления.

– Ты шпион?

– Я кто? – обалдел от неожиданности Эрик.

Но продолжения этот разговор не имел. Возникшие слов-

но из-под земли оперативники контрразведки флота скрутили его, — Эрик, впрочем, не сопротивлялся, — заковали в кандалы, накинули на голову черный мешок и, подхватив под локти, поволокли в неизвестном направлении. В результате еще через час — у Эрика было замечательно точное чувство времени — он оказался в допросной комнате Особого отдела, и за него взялись по-настоящему. Первые два часа, впрочем, не били. Задавали вопросы. Эрик по возможности на них отвечал, но чем дольше длился допрос, тем очевидней становилось, что контрразведке откуда-то стало известно, что Эрик никогда не учился на подготовительных курсах ВКС на Эвре.

Осознав это и получив пару-другую зуботычин, Эрик сразу же выложил всю правду, как она есть. Ему некуда было деваться, а игра в молчанку могла обойтись слишком дорого. Особисты, честно сказать, от его признаний слегка ошалели. Сначала не поверили, решив, что это хитрый шпионский ход. Потом кинулись проверять и обалдели еще больше, потому что нашли полное и безоговорочное подтверждение его словам. И тут ему снова повезло. Своими махинациями он произвел неизгладимое впечатление на начальника Отделения контрразведки ВКС. Капитан-лейтенант Мерфи вызвал Эрика на допрос, больше напоминавший дружескую беседу, угостил чашкой натурального кофе, предложил сигарету, от которой Эрик благоразумно отказался, и долго расспрашивал о технических деталях операции, которую про-

вернул Эрик. Судя по его реакции, рассказ Эрика контрразведчику понравился, и он сделал для *попавшегося шпиона и предателя* два добрых дела.

Во-первых, он объяснил Эрику, с чего вдруг кто-то вообще заинтересовался прошлым кадета звездной академии. Оказывается, это не имело никакого отношения к той тягостной атмосфере, которая начала сгущаться вокруг Эрика с началом второго года обучения. Как ни странно, особый интерес к кадету из провинции проявил кто-то из старших Мельников – то ли дядя, то ли взрослый кузен, – а почему – это уже совсем другой вопрос, и, возможно, Эрик знал на него ответ. Не стоило ему сближаться с Андреем и Верой. От таких людей лучше держаться на расстоянии. Впрочем, знание подробностей в данном случае никакой ценности для Эрика не имело. Гораздо важнее было то, что с подачи того же «флотского полубога» по фамилии Мельник академия передала дело «подложного кадета» в военный трибунал. Это был явный перебор, не такое уж ужасное преступление совершил Эрик, но для полубогов жизнь смертных никакой ценности не имеет.

– Из-под трибунала, парень, живым тебе не выйти, – констатировал капитан-лейтенант, объяснивший Эрику, *как устроен этот мир*. – Приговор там заранее предрешён: или каторга, или «черный десант». И то, и другое – смерть.

– Но ты ведь не обязан идти под суд, – неожиданно подмигнул ему контрразведчик. – Контрразведка и сама, зна-

ешь ли, вправе тебя наказать по всей строгости законов империи...

И это было второе доброе дело – и самое важное при том, – которое сделал для него капитан-лейтенант Мерфи. Он вернул Эрику его собственную биографию, приплюсовал к ней год учебы в академии, и определил *дисциплинарного штрафника* в училище пилотов москитного флота, причем сразу на шестой курс.

– Через два года выпустишься, – объяснил он Эрику. – Тебе как раз исполнится восемнадцать, получишь патент, то да се...

Вообще-то, шестнадцать, а не восемнадцать, но, поскольку до этого пункта контрразведка так и не докопалась, Эрик не стал «менять показания». Восемнадцать так восемнадцать. А в восемнадцать уже можно пилотировать флотские говновозы...

19 марта 2531 года,

космическая станция «Птицелов»

В принципе, это действительно была практика, но практиковались курсанты не в обслуживании шаттлов, как предполагал учебный план, а в черной работе – принеси, подай,

отмой и подотри – и в унижении. Но больше всех доставалось Эрику, и не случайно. У Бирна в мусорном кессоне, куда направили весь третий взвод, работали два кузена: Джеб и Пель. Оба – взрослые уже мужчины и отслужили, наверное, лет по пятнадцать-двадцать, а все еще носят нашивки унтеров 2-го класса. Так себе работнички, надо полагать, но здесь – на «Птицелове» – являясь по факту ветеранами, они знали все ходы и выходы и были знакомы практически со всеми, кто работал на нижних палубах. Вьюну – лафа, а вот Эрику – наоборот. Однако тем вечером...

– Все! Отбой! – объявил Джеб, заглянув через люк в бакотстойник. – Хватит жопу драть, парень! Вылезай!

Эрик удивился, но от комментариев воздержался. Вылез из бака, снял респиратор и очки, стащил с себя защитный костюм и бросил все это вместе с подшлемником-балаклавой в стиралку, а сам, прошлепав босыми ногами по холодной, как лед, керамитовой палубе, нырнул в закуток раздевалки, вбежал под душ и пустил воду. К сожалению, напор в трубах был никудышный, вместо горячей воды из душа лилась теплая, пахнувшая химией мутноватая жидкость неопределенного цвета, а жидкое мыло являлось таковым только по названию. Впрочем, Эрик привык довольствоваться малым. Кое-как вымылся, оделся в чистое и пошел было в сторону столовой – ужин уже закончился, но какая-то еда всегда оставалась для таких бедолаг, как он, – однако на полпути его перехватил Пель.

– Хорошо поработал, парень! – подмигнул рыжий увалень с помятым лицом. – Пошли за поощрением!

Выглядело это более чем подозрительно, но и возражать не было причины. Эрик пожал плечами и пошел за мужчиной. Они прошли сложным лабиринтом технических коридоров, пару раз поднялись на несколько уровней вверх, воспользовавшись грузовыми подъемниками, и наконец оказались в помещении, служившем, по-видимому, каптёркой какого-то хозяйственного подразделения. Здесь за накрытым столом – какая-то явно непайковая еда в пластиковых контейнерах и подозрительного вида металлические фляги – их уже ждали Джеб, Штефан и еще двое ветеранов в невысоких званиях.

– Садись, парень, – пригласил Джеф, кивнув на стальной табурет. – Хорошо поработал, хорошо отдохни!

Было похоже на подставу, но в чем именно заключается «злой умысел», Эрик пока не разобрался. Впрочем, ничего не изменилось бы, даже если бы он знал, о чем идет речь. Отказаться? С чего бы? Сбежать? Куда?

То есть дорогу Эрик на всякий случай запомнил и смог бы отсюда выбраться, хотя хозяева об этом и не догадывались. Они бы не смогли – не с их интеллектом и не с их «мелкой» памятью, – а значит, по определению не мог и он. Однако Эрик как раз мог. И, более того, он хорошо запомнил план-схему станции, ориентировался в ней и, если бы возникла такая необходимость, смог бы, наверное, добраться до жилой

зоны или одной из трех полетных палуб. Другое дело, что бежать было глупо, да и повода пока не наблюдалось.

– Угощайся! – предложил Джеф, когда незнакомый унтер-офицер разлил по кружкам сильно пахнущую сивушными маслами жидкость.

«Отчего бы и не угоститься?»

Эрик собрал из продуктов, обнаружившихся в пластиковых контейнерах, подходящий случаю бутерброд – хлеб, колбаса, соленые огурцы – и взял со стола свою кружку.

– Ну, будем! – провозгласил Пель, и все выпили.

Затем последовал еще один тост, и еще, и Эрик обратил внимание, что каждый раз ему наливают больше, чем другим, и при этом торопят выпить сразу до дна. Замысел нехитрый, рассчитанный на простаков, но никуда не годный в случае Эрика. Дело в том, что, во-первых, он – что бы эти люди о нем ни думали – всегда был собран и внимателен. Все видел – и то, как ему наливают, и то, как нетерпеливо на него посматривают, ожидая, когда же его наконец развезет, – все понимал, но посторонним свое знание не демонстрировал. А во-вторых, Эрик от природы был слабо восприимчив к алкоголю и другим доступным кадетам и курсантам наркотикам. Выяснилось это еще в технической школе, но сначала он на эту свою особенность даже внимания не обратил. Потом, несколько позже, когда увидел и осознал, что не пьянеет, как другие ребята, заинтересовался, стал проверять и в конце концов пришел к выводу, что все дело в метабо-

лизме¹⁰. Каким-то образом его организм перерабатывал все подряд, нейтрализуя между делом даже некоторые яды. Это отличало его от абсолютного большинства окружающих его людей, но не делало «инопланетянином». Из того немногого, что Эрик узнал о различиях в метаболизме, способности к регенерации тканей и характеристиках иммунной системы, выходило, что исключения есть из любого правила. Есть такие, на кого алкоголь действует сильнее, чем на других, а есть и те, чьи организмы совсем неплохо справляются с этим ядом. Так же и с эпидемиями. Все заболевают, но умирают не все. А некоторые – их всегда мало – обладают врожденным или приобретенным иммунитетом и не заболевают вообще. Таким, судя по всему, был и Эрик. Во всяком случае, такое предположение непротиворечиво объясняло то, как он выжил в Смолянском городке, где болезни и испорченная еда косили всех подряд.

Между тем выпивка продолжалась, и после пятой кружки самогона Эрик считал за лучшее изобразить достойную внимания степень опьянения. «Поплыл» взглядом, увеличил время реакции, заметно снизил координацию движений и их точность. Получилось узнаваемо, и после шестой порции, переглянувшись со своими сослуживцами, Джеб сделал предложение, от которого, по идее, не отказался бы ни один

¹⁰ Метаболизм или обмен веществ – набор химических реакций, которые возникают в живом организме для поддержания жизни. Эти процессы позволяют организмам расти и размножаться, сохранять свои структуры и отвечать на воздействия окружающей среды.

находящийся в здравом уме курсант.

– А что, парни, – спросил он, возвращая кружку на стол, – не покататься ли нам на симуляторах?

– На каких с-симуляторах? – с насквозь фальшивой интонацией полного неведения поинтересовался Выюн.

Он действительно был пьян, но не настолько, чтобы не подыграть старшим.

– Да тут этажом выше находятся тренажерные залы пилотов истребителей, – объяснил Пель, разливая по новой.

– Сейчас там никого нет, а ключ доступа есть! – рассмеялся Джеб, демонстрируя мастер-ключ. – Хотите, ребята, полетать на истребителях?

Штефан хотел. Пришлось поддержать «товарища» и Эрику.

– Ну, тогда еще по одной, и пошли! – решил один из так и оставшихся безымянными ветеранов.

– Я не против! – улыбнулся Эрик и влил в себя очередную порцию самогона.

На этот раз его и в самом деле проняло, но пока он себя еще контролировал, так что лучше было пойти, куда зовут, чем продолжать пьянку, которая бог знает до чего их всех доведет. Но, видно, все так и задумывалось. Никто на предложение *пойти уже полетать* не возразил. Все повставали со своих мест и, шумно обсуждая перспективы «полетов», отправились искать приключения на собственную задницу. А то, что они будут, Эрик даже не сомневался. Все к тому

шло.

* * *

Идти оказалось недалеко – два коридора и одна лестница в шахте техобслуживания, – но то место, куда они пришли, явно не являлось тренажерным комплексом. На взгляд Эрика, это место скорее походило на испытательный стенд систем управления, а «тренажер», к которому подвел его Джеб, был не чем иным, как поставленным на диагностику командно-боевым модулем тяжелого ракетноносца типа «Вулкан». Фрегаты этого типа являлись переходным классом между внеранговыми аппаратами легких сил – истребителями и ракетноносцами планетарной обороны, – и кораблями 3-го ранга. Тяжело бронированный аппарат, внутри которого есть место только для двух маршевых и двух маневровых двигателей, форсированных до последней возможности, гиперпространственного¹¹ привода и шести тяжёлых ракет. Для людей – экипаж «Вулкана» состоял из двенадцати человек – на этих фрегатах места почти не оставалось. При максимальной автономности в семь суток члены экипажа ели и спали на своих боевых постах. Еще у них были крошечный камбуз и туалет, а душ заменяло обтирание влажными салфетками. Зато

¹¹ Гиперпространство в фантастике – многомерное пространство более чем с четырьмя измерениями, позволяющее при переходе в него перемещаться в нужное место со скоростью, превышающей скорость света.

ракетоносец достигал невиданных для других кораблей скоростей, обладал невероятной маневренностью и был серьезно вооружен.

– Ну что, парень, хочешь полетать на настоящем истребителе? – усмехнулся Джеб, аккуратно, как он думал, подталкивая Эрика к открытому люку «тренажера-симулятора».

– А можно?

– Можно! Пошли.

Ну, пошли так пошли. Эрик уже понял, в чем заключается шутка нижних чинов, как понял и то, что это тот самый *случай*, о котором он думал в транспорте по дороге на «Птицелов». Внутри командно-боевого модуля Джеб подвел Эрика к ложементу шеф-пилота, помог устроиться, защелкнув фиксаторы системы иммобилизации¹², и наконец протянул шлем с интерфейсом управления. Шутка, которую решили с ним сыграть, заключалась в следующем. На «Вулканах» были предусмотрены два типа управления: обычный и экстраординарный. Обычный мало чем отличался от управления любыми другими типами кораблей и катеров и осуществлялся с помощью нормального пульта управления – панель с индикаторами, кнопками и переключателями – и штурвала. Шлем пилота в этом случае играет лишь вспомогательную роль. А вот при втором типе управления вме-

¹² *Иммобилизация* (лат. *immobilis* неподвижный) – создание неподвижности (покоя) какой-либо части тела при некоторых повреждениях. В данном случае имеется в виду система фиксирования тела космонавта в ложементе.

сто пульта и штурвала используется один лишь специальный шлем со встроенным коммуникативно-адаптивным бесконтактным интерфейсом¹³. Такие шлемы – настоящее чудо техники и используются пока только на тяжелых ракетноносцах и на некоторых кораблях 1-го и 2-го ранга.

Все упирается в особенности взаимодействия между человеческим мозгом и искусственной нейросетью интерфейса. С одной стороны, подготовленный пилот должен уметь отдавать предельно точные команды, ясно и лаконично формулировать свои «желания» и уметь держать нервы в узде, чтобы не вызвать в стрессовой ситуации неконтролируемый обвал системы управления. С другой же стороны, мозг человека должен быть способен справляться с лавиной информации, которую готов обрушить на него коммуникативно-адаптивный интерфейс. Вот в этом последнем и состоял план «шутников».

Неподготовленный мозг попросту захлестнет потоком «сливаемой» интерфейсом информации. Убить не убьет, но «перегруз» нервной системы неумехе обеспечен, а это означает два-три дня в койке под капельницей и дикие мигрени на полгода вперед. И не придерешься. Преступления как такового нет. Всего лишь пьяный мальчик – к тому же не умеющий ориентироваться на станции – случайно забрел на

¹³ *Интерфейс* – общая граница между двумя функциональными объектами, требования к которой определяются стандартом; совокупность средств, методов и правил взаимодействия (управления, контроля и т. д.) между элементами системы.

стенд и забрался в стоящий на диагностике модуль. Надел шлем и получил по мозгам. Если кто и виноват, то только охрана. Не следует оставлять люки открытыми, вот и все. Но и это, если подумать, сушая ерунда. Дорогостоящая техника не пострадала, парень отделался легким испугом – не погиб, не искалечен, и на том спасибо, – и утечки секретной информации тоже не произошло. В конце концов, мальчишка тоже служит в ВКС, так что все путем.

Задумано, что и говорить, исключительно умно, вот только организаторы потехи не учли один немаловажный факт: если командно-боевой модуль поставлен на диагностику, вся информация от него, включая сюда внешний и внутренний видеоконтроль, идет в центральный компьютер станции в режиме реального времени. То есть если и не сразу, то уж завтра наверняка служба безопасности будет знать, кто и как развлекался этой ночью с дорогой и совершенно секретной техникой. Но Эрика этот пункт плана волновал лишь во вторую очередь. В первую голову он думал о том, что, если история вызовет профессиональный интерес у кого-нибудь из старших пилотов, он сможет – возможно, хотя и не обязательно, – отыграть свое фиаско в звездной академии. Шансы обойти суку Мельника на кривой казались ему достаточно серьезными, тем более что Эрик – и об этом кроме него не знал никто – почти все лето между первым и вторым курсом провел в тренажерных залах и симуляторах космической академии. С коммуникативно-адаптивным интерфейсом он

познакомился именно там.

Глава 2

Возможность

20 марта 2531 года,

космическая станция «Птицелов»

Нейросеть ощущалась, как нечто, что есть и чего одновременно не существует. Как легкое давление на уши. Как дыхание в затылок. Как взгляд в спину.

Ситуационная панель, – не приказ, не просьба, скорее желание, мгновенная мысль, ощущение необходимости. – *Сейчас!*

Время исполнения приказа можно было не уточнять. Интерфейс его понял и практически мгновенно – Эрик не успел даже толком додумать свою мысль – развернул перед его мысленным взором трехмерный голографический экран. Еще мгновение, если здесь были уместны такие термины, как мгновение или секунда, – таймер в левом верхнем углу зрительной сферы замер на одиннадцатой сантисекунде¹⁴, –

¹⁴ Сантисекунда – сотая доля секунды.

и информация пошла бурным потоком, стремительно замещающая одни показатели другими, меняя данные, вводя новые параметры, добавляя коэффициенты и экспоненты. Информации было столько, что впору захлебнуться, но Эрик тут же начал вводить общие и специальные определения, параметры отбора показателей и факторы упорядочивания. И это довольно быстро принесло желаемый результат: поток ослаб, давление спало.

Теперь работать с поступающими данными стало намного проще, и вскоре Эрик добился полного контроля над рецепторами и эффекторами¹⁵ управляющей системы. Но дальше продвинуться не успел.

Проверить топливную систему! – Не решение и не интенция, а приказ, пришедший по неожиданно включившемуся коммуникационному каналу.

Исполняется! – ответил он, не раздумывая, и добавил мгновение спустя: – *Топливная система – норма, реактор заглушён, хода нет.*

Вооружение, – продолжил виртуальный собеседник, спорить с которым было нельзя.

Эрик «взглянул». Четыре лазерных кластера оборонительного контура сразу же встали на взвод.

Огонь по готовности, – доложил он командному центру.

Ударный комплекс!

Есть ударный комплекс!

¹⁵ Эффектор – в данном случае исполнительный орган.

Шесть тяжелых ракет, подвешенных на внешних пилонах корабля, ожили, и их системы наведения тут же сообщили об отсутствии целей.

Цели отсутствуют! – отрапортовал Эрик.

Ну, и бог с ними, – «отмахнулся» командный центр. – *Снимай шлем, парень, и вылезай!*

Есть! – с сожалением, но без колебаний, ответил Эрик, дал отбой интерфейсу и снял шлем.

Разрыв связи причинил почти физическую боль, – уходить из мира грез никак не хотелось, – но делать нечего, приказ есть приказ. Эрик освободил фиксаторы, встал из ложе-мента и пошел на выход. Восемь шагов до люка, три ступе-ни, и он был готов к встрече с реальностью. Реальность же выглядела не очень хорошо или, напротив, выглядела просто замечательно: все его собутыльники стояли на коленях, за-ложив руки за голову, и изображали покорность судьбе. Под дулами импульсных винтовок флотских десантников друго-го выбора у них, собственно, и не оставалось. Отдельно от этой печальной группы стояли трое флотских офицеров, са-мым старшим из которых по званию был кап-два, как раз сейчас снимавший с головы гарнитуру оператора связи.

– Курсант Минц! – доложил Эрик, отдав честь, и вытянул руки по швам.

– Москитник? – недоуменно спросил лейтенант, осмо-рев дрянную серо-никакую форму курсанта, в которой ходил Эрик.

– Так точно, ваше благородие! – отрапортовал Эрик. – Третий взвод шестой роты Восьмого Императорского среднего училища пилотов москитного флота на Иль-де-Франс!

– Что ты делал в модуле, курсант? – включился в разговор еще один офицер, на этот раз капитан-лейтенант.

– Хотел полетать на тренажёре, ваше благородие, – честно признался Эрик. – Прошу прощения, сэр, был пьян, не ведал, что творю. Готов понести... это... как там... смыть кровью...

– Заткнись! – приказал кавторанг. – Пойдешь с нами, парень, а этих ушлепков, – кивнул он на коленопреклоненных неудачников, – препроводить на гауптвахту.

Последнее относилось к вахмистру, командовавшему десантурой.

– Пошли! – А это уже снова к Эрику.

Приказал, кивнул – мол, исполняйте, и пошел, не оборачиваясь, на выход.

«Идти? Иду».

Эрик был спокоен, собран и готов ко всему. Шанс, выпавший ему этой ночью, похоже, оказался даже круче, чем можно было предполагать. Во всяком случае, вероятность успеха представлялась сейчас куда более высокой, чем полчаса назад. Впрочем, Эрик не строил иллюзий и с холодной решимостью ждал развития событий.

Что выйдет, то и выйдет, хотя будет жаль, если опять обломится. Случай-то не рядовой!

– Много выпил? – не оборачиваясь, спросил кавтаранг уже в переходе между двумя секциями.

Эрика все еще покачивало, не слишком сильно – он старался не переборщить, – но тем не менее заметно.

– Граммов триста, – предположил Эрик неуверенным голосом.

– Триста граммов... Что пили?

– Самогон, господин капитан.

– Ну, если это – то пойло, которое у нас пьют обычно на нижних палубах, то ты, парень, на редкость крепкий экземпляр.

Они миновали еще один переход и вышли к шахте диагонального лифта.

– Кстати, если тебе трудно говорить на ланге, можем перейти на франк.

«Попытка засчитана, господин капитан!»

– Никак нет, ваше высокоблагородие! – тут же ответил Эрик, глядя в спину офицера. – Не трудно.

– А на каком языке говоришь с родителями? – продолжал допытываться кап-два.

– Я сирота, – пояснил Эрик. – Но там, где я родился, люди говорили на дойче.

– Вот как... Откуда же ты родом, парень, из Буша или из Швабии?

– Я родом с Эвра, сэр...

– С Эвра? – оглянулся кавтаранг. – Как же ты попал на

Иль-де-Франс, курсант?

– Это долгая история, сэр, – вздохнул Эрик. – В двух словах не объяснить.

– Ну-ну... Поехали!

Другие два офицера в разговор не вмешивались, но и не отставали. Шли следом за Эриком, то ли охраняли, чтобы не сбежал, то ли просто не хотели мешать начальнику вести «допрос». Затем все вместе они погрузились в лифт, но только для того, чтобы выйти из него буквально через несколько минут. Такой скорости перемещения Эрик, если честно, не ожидал. Это был совсем другой уровень техники, с каким он не привык иметь дело, но думать об этом было некогда. Сейчас все что угодно – любое его слово, взгляд, жест или реакция – могло сыграть решающую роль в его дальнейшей судьбе.

На этот раз Эрик оказался в одном из штабных помещений центральной башни. По-видимому, в шестой или седьмой секции. Интерьеры здесь были куда элегантнее, чем на нижних палубах. Комфорт выше. Запахи приятнее. Это напомнило Эрику то, как он перебрался из старых краснокирпичных бараков технического училища в светлые, хорошо устроенные корпуса звездной академии. День и ночь, как говорится. Небо и земля.

– Сюда!

Тяжелая дверь, декорированная под натуральное дерево, отъехала в сторону, и вслед за кавторангом Эрик прошел в

небольшой, но уютный кабинет, обставленный и декорированный не хуже, чем кабинет начальника курса в космической академии. Больше Эрику было не с чем сравнивать.

– Садись! – кап-два указал Эрику на одно из кресел, а сам сел напротив него.

Между тем каплей прошел к рабочему столу и устроился за терминалом компа, а лейтенант принялся возиться с какой-то неизвестной Эрику машиной в дальнем углу кабинета.

– Как с головой? – участливо спросил кавторанг. – Говорить сможешь?

– Смогу, ваше превосходительство! – бодро отрапортовал Эрик.

– Без чинов! – отрезал кавторанг. – Куришь?

– Иногда, – пожал плечами Эрик.

– Держи! – офицер достал из кармана серебряный портсигар, щелкнула, открываясь, крышка, и перед Эриком возник ряд темно-коричневых сигарет с чуть более темными фильтрами и золотой арабской вязью, выходящей по довольно длинной гильзе. – Не робей, не отравлю!

Эрик взял сигарету, поднес к носу, понюхал. В Гренобле он пробовал разные сигареты, в том числе и дорогие – Андрей угощал, – но этот запах был ему незнаком.

– На Исфахане растет табак с высоким содержанием каннабиоидов... Знаешь, о чем говорю?

Что ж, время играть дурака прошло. Можно было – да и

нужно – хотя бы слегка приоткрыть створки раковины, в которой прятался настоящий Эрик Минц.

– Исфахан – третья планета в системе Хадж, – процитировал он данные из Звездного атласа. – Колонизирована во время Второй волны, основной язык – фарс¹⁶. Каннабиноиды – действующие вещества гашиша и марихуаны. Надеюсь, господин капитан, процент содержания каннабиоидов в этом табаке не превышает разрешенную в империи норму?

– На два процента ниже планки, – ухмыльнулся кавторанг, протягивая Эрику зажигалку. – А ты, как погляжу, непрост, парень. Совсем непрост!

– Не знаю даже, что сказать, – пожал плечами Эрик и сделал первую затяжку.

Вкус табака был непривычный, но скорее понравился Эрику, чем наоборот.

– Господин капитан! – подал голос сидящий за терминалом каплей. – Курсант Минц – штрафник.

– Штрафник? – переспросил кап-два. – Мило. И откуда же его перевели в училище?

– Момент! Ого! Не поверите, господин капитан! Переведен по приказу контрразведки флота из Космической академии Иль-де-Франс.

– Час от часу не легче! – усмехнулся кавторанг.

Похоже, он не слишком удивился новой информации. Что-то в этом роде он, по-видимому, и ожидал услышать.

¹⁶ *Фарс* – вариант фарси (персидского языка).

– Сколько ты отучился в академии? – остро взглянул он на Эрика.

– Отчислен со второго курса, ваше превосходительство!

– Без чинов, – напомнил кап-два. – За что отчислили?

– За подделку документов.

– Что?!

Ну что ж, ему таки удалось удивить кавторанга. И это было скорее хорошо, чем плохо. Эрик давно уже рассмотрел и петлицы приведших его сюда офицеров, и указатели на этаже. Оценил он также стиль поведения этих людей. Темы, которых они касались в разговоре. Отношение к нему самому. Выходило, что это офицеры пилотажной линии, а не контрразведка, и значит, говорить с ними он мог более откровенно, чем стал бы говорить со службой безопасности.

– Вы должны это видеть, капитан! – сказал между тем каплей, открывший, по-видимому, файл кадрового управления ВКС с личным делом Эрика.

– Ну-ну... – кадваранг¹⁷ встал и подошел к терминалу, а его место тут же занял лейтенант, принесящий Эрику фарфоровую чашечку с кофе.

Если верить обонянию, кофе был натуральный. Настоящий крепкий кофе в чашке из настоящего фарфора.

«Н-да, богато жить не запретишь...»

– Сахар? Молоко?

– Спасибо, господин лейтенант, но я, с вашего позволе-

¹⁷ *Кадваранг* – то же, что кавторанг и кап-два, капитан 2-го ранга.

ния, обойдусь тем, что есть. Жалко портить благородный напиток.

Он еще раньше услышал в речи лейтенанта хорошо знакомый ему акцент и сейчас заговорил с ним на рузе.

– Хм... – улыбнулся лейтенант, тоже переходя на руз, – если бы я не знал, что вы сирота, курсант Минц, я бы сказал, что вы выросли в хорошей семье где-нибудь на Рязани или в русской колонии на Европе.

– Увы, – улыбнулся Эрик. – Я рос на улице и в сиротских приютах.

Услышать такое лейтенант, кажется, не ожидал. Не просто удивился, а в некотором роде впал в прострацию.

– Неожиданно, – признал вслух после довольно продолжительной паузы.

– Тут много, скажем мягко, неожиданного, – поднял голову от монитора кап-два. – Ну-ка, курсант, только честно! Как на духу, ты ведь сразу понял, что это не симулятор, а настоящий боевой модуль?

– Так точно, господин капитан! – Пора было делать свой ход.

– Значит, знал и то, что это подстава?

– Так точно, господин капитан!

– Зачем же тогда полез в модуль? – Вопрос, что называется, напрашивался и вот наконец прозвучал.

– Захотелось еще хоть разок... – Почти честно, но только почти. Плюс немного драматизма и «отчаянной тоски».

– Приходилось работать с коммуникативно-адаптивным интерфейсом? Где? Когда?

– В академии во время летних каникул.

На мгновение вспомнилось, как получил в первый раз по мозгам. Тогда его не только скрутило, кровь шла из носа и из ушей...

– Без разрешения?

– Так точно, господин капитан!

Дело пошло, теперь надо было только немного дожать.

– Без подстраховки... без инструктора...

– Сам разобрался, – пожал плечами Эрик.

Не стоило рассказывать о бессоннице и мигренях, едва не уложивших его на госпитальную койку. Выжил, и слава богу!

– Ну-ну... – Кавторанг отошел от стола с терминалом, прошелся в задумчивости по кабинету туда и обратно и вдруг остановился перед лейтенантом. Как видно, решение было принято.

– Сделаем так, – сказал он, закуривая следующую сигарету. – Я с докладом к адмиралу. А вы, Павел, займитесь тем временем курсантом. Переоденьте в нашу форму, накормите... Пока лучше не в кантине, а в буфете на третьем уровне, и устройте парня на ночлег. Ну, скажем, в общежитии сменных экипажей. А с утра полная медицинская аттестация по форме Бета-7... Или нет! Давайте сразу сделаем ему Бету-9 или даже Бету-11. Кутить так кутить, делайте Бету-11. Как раз до вечера управитесь, а там и я подойду...

21 марта 2531 года,

космическая станция «Птицелов»

Лейтенанта звали Павел Волин, и он служил пилотом-инструктором Центра переподготовки пилотов на станции «Птицелов». Центр занимался, среди прочего, формированием пилотажных групп для тяжелых кораблей 8-го флота и, являясь весьма серьезной организацией, занимал пять секций Северо-западного сегмента станции. Но Эрик в тот день ничего интересного, в сущности, не увидел, поскольку Волин держал его на коротком поводке. Спал Эрик в крошечной каюте, в которой с трудом помещалась двухъярусная койка, небольшой стенной шкаф и выдвижные стол и стул. Там же он и ел, чтобы не отсвечивать. Однако большую часть дня он провел в медицинском блоке, где ему сделали все возможные анализы, включая четырехмерную электронную томограмму всего тела и функциональную диагностику работы мозга и периферической нервной системы. Кроме того, его осмотрели три специалиста неизвестной Эрику специализации, а в паузах между тем и этим он заполнил несколько сложных анкет, ответив в общей сложности на триста девяносто разных вопросов *обо всем на свете*.

День получился длинным и нудным, однако в восемь часов вечера по корабельному времени врачи – или кто уж они там были – оставили Эрика в покое, лейтенант Волин принес прямо в каюту упаковку «сухого пайка» и бутылку витаминизированной воды, и, не успев Эрик съесть свой не слишком вкусный, но зато калорийный ужин, как его выдернули на встречу с кем-то из небожителей. Во всяком случае, в глазах Эрика контр-адмирал ВКС если и не бог, то уж точно – посланец его.

– Ты знал, что модуль подключен к центральному компьютеру? – Вопрос закономерный, ибо дураки адмиралами не становятся.

– Точно не знал, ваше высокородие! – вытянулся в струнку Эрик. – Предполагал и очень надеялся.

– То есть задумал все заранее? – Адмирал Север оказался невысоким крепким мужчиной с обильной сединой в висках. Глаза голубые, холодные. Держат, как в прицеле системы наведения. Не отпускают, не дают передохнуть.

– Никак нет, ваше высокородие! Мне заранее никто не сказал, в чем заключается каверза. Но когда пришли на стенд, тогда я сразу сообразил, что к чему. Командно-боевой модуль ракетноносца ни с чем не спутаешь.

– Быстро соображаешь?

– Так точно!

– А если бы в их планах было устроить тебе темную?

– Так они, господин адмирал, и внизу могли меня отмуту-

зять, – возразил Эрик. – Никто бы им не помешал. Но могли, конечно, и еще какую-нибудь подлянку придумать.

– Если понимал, что не на вечеринку идешь, почему не сбежал?

– В беготне нет смысла, – как бы забыв о звании собеседника, тяжело вздохнул Эрик. – Далеко не убежать. Все равно поймают.

– Тогда что? – Адмирал тоже вроде бы не заметил отступления от устава.

– Или спустить на тормозах, или дать бой.

– Уверен, что смог бы отбиться?

– От этих? – задумался Эрик. – Думаю, что отмахался бы.

– Хорошо дерешься? – Уточнение, не лишнее смысла.

– В спортивных единоборствах у меня средний уровень, – честно признался Эрик. – Но в драке без правил я бы их положил.

Помолчали. Адмирал рассматривал Эрика, изучал и о чем-то напряженно думал. По-видимому, взвешивал все за и против.

– Чем ты Мельнику не угодил? – Хороший вопрос, и у Эрика даже был проект ответа, но все зависело от того, о каком Мельнике идет речь.

– Не знаю, но могу попробовать предположить. О каком Мельнике мы говорим, об Андрее, Вере или об адмирале Мельнике?

– Да, – кивнул собеседник, оборачиваясь к кавторангу. –

Ты прав, Людвиг, парень и впрямь не дурак.

– Каплея Виктора Мельника знаешь? – А это уже снова к Эрику.

– Лично не знаю, но наслышан, – осторожно ответил Эрик.

«Вот же черт!» – сейчас он увидел в своей истории совсем другую подоплеку, но говорить об этом вслух поостерегся. Не та тема, чтобы обсуждать ее с адмиралом.

– Думаю, что ему мог пожаловаться на меня Андрей Мельник, мы с ним вместе учились... Но не факт. Могла быть и какая-то другая причина.

И она, разумеется, имела место быть. Вера рассказывала, что этот взрослый ее кузен вбил себе в голову, что должен на ней жениться. Именно так: он должен жениться, а не она выйти замуж. А у таких людей чувство ревности порой просто зашкаливает. Вот Эрик и угодил под раздачу. Если принять как факт, что Виктор Мельник знал о частых разговорах по коммуникатору с неким Эриком Минцем, остальное сразу же становится понятным.

– Да, жизнь сложная штука, – кивнул между тем адмирал.

– Хочешь летать на ракетноносце? – спросил вдруг после короткой паузы.

– Хочу! – твердо ответил Эрик.

Он не сомневался, он знал, чего хочет.

– Это возможно, но... только если тебе исполнилось восемнадцать.

Что ж, от щедрых предложений не отказываются.

– Мне восемнадцать, – подтвердил Эрик. – Если можно.

– Возможно всё! – усмехнулся адмирал. – Но ты, парень, должен учесть следующее. Адаптивный интерфейс – это, в первую очередь, боевой регламент, однако в обычной обстановке им не пользуются или пользуются крайне редко. По необходимости или для тренировки. Поэтому ты должен научиться пилотировать «Вулкан» в обычном режиме. Старты, финиши, тактические эволюции, маневрирование, работа с подпространственным¹⁸ приводом. Все понятно?

– Так точно!

– Молодец! – кивнул адмирал и снова посмотрел на кавторанга:

– Значит, так, Людвиг. Пришпилим парню мичманские погоны, чтобы на него пальцем не показывали. Если за неделю пройдет аттестацию, я ему мичмана в кадровом управлении по квоте пробью. После этого у тебя будет максимум три недели на симуляторы и на несколько выходов в пространство. Должен уложиться. Если уложится, все остальное потом. Сто часов налета, экзамен, аттестация на пилотирова-

¹⁸ *Подпространство* – подмножество некоторого пространства (например, векторного или метрического), которое само является пространством соответствующего типа со свойствами, индуцированными объемлющим пространством. Приставка «под» используется в том же смысле, как и для других математических объектов, например, подграф, подгруппа, подкатегория и так далее. В данном повествовании, термин *подпространство* используется в качестве синонима понятия *гиперпространство*.

ние кораблей третьего ранга. Но не раньше! Сто часов, и ни секундой меньше. А теперь бери его с собой, и пусть служит!

Вот так и решилась его судьба. Повстречались хорошие люди, но и он свой случай не упустил. Впрочем, радоваться, как понимал Эрик, было еще рано. Звание-то у него пока насквозь фиктивное, а настоящие погоны еще иди заслужи! Поэтому следующие восемь дней он спал максимум четыре часа в сутки, но зато пусть и со скрипом, но прошел аттестацию, которую – если бы его не вышибли из академии – ему, как и всем прочим кадетам, предстояло пройти только через год, перед выходом на летнюю практику после третьего года обучения.

– Ну, я в тебе почти не сомневался, – признался кавторанг Эльст. – Но было любопытно, сдюжишь или нет. Справился. Молодец!

Еще через два дня – скорость немыслимая, если разобратся – Эрик получил офицерский патент и стал настоящим мичманом. Однако порадоваться успеху не успел, было не до того. Каковы были причины спешки, он не знал, но гонял его Людвиг Эльст, что называется, в хвост и в гриву. Эрик, по сути, не вылезал из имитаторов и стоящих на испытательном стенде командно-боевых модулей, снятых с ракетоносцев типа «Вулкан». Иные дни, после тренировок, он не мог ни есть, ни спать, ни на ногах стоять, но все-таки одолел и этот этап. Сходил – под занавес – в три коротких «похода» на настоящем ракетоносце. Под присмотром Эльста и Воли-

на, с временными экипажами и на сверхмалые дистанции, но все-таки «порулил» настоящим кораблем, доказав себе и окружающим, что «может, если захочет».

Двадцать третьего апреля 2531 года,

терминал космопорта Нева-Первая

– Через три часа от 53-го причала отходит армейский транспорт «Тета-349», – Эльст посмотрел на часы, потом на Эрика. – Ты должен быть на месте за полчаса до отлета. Уда-
чи!

И, отвернувшись, кавторанг пошел прочь. Эрик проводил его взглядом и, прикинув, что, судя по всему, другой оказии туда, куда везет его Эльст, сегодня не будет, поспешил в рекреационную зону космопорта.

«Возможно, – подумал он, сопоставив все немногочисленные факты, оказавшиеся в его распоряжении, – другой оказии не будет вообще. А значит, это последняя проверка. Если я не пунктуален, на кой хрен я им сдался?»

Мысль, не лишенная оснований, и, хотя она и не заставила Эрика «бежать бегом», он все-таки решил ускориться. Первым делом он зашел в магазин сумок и, не особенно рассусоливая, купил себе вместительный саквояж из ко-

жи какого-то эндемического зверя с планеты Толедо. Что это за животное, – продавец назвал зверя болотной кикиморой, – Эрик не знал, но фактура кожи и заявленные характеристики ему понравились. Расплатившись флотской кредитной картой, на которую зачислили довольно приличные подъемные и месячный оклад строевого командира в звании мичмана, Эрик перешел в соседний магазин и, споро пробежавшись вдоль прилавков, купил множество вещей, которыми, по идее, должен обладать офицер флота: электрическую бритву – в связи с неожиданно возникшей необходимостью, – несессер с полным набором санитарно-гигиенических принадлежностей, типа расчески, щипчиков для ногтей и прочей необходимой в жизни ерунды, очки с переменной цветностью и светопроницаемостью, серебряную фляжку и далее по списку, который заранее составил в голове. Прикупив по дороге пару бутылок местной «медовой» водки и блок сигарет, он покинул торговую зону и поднялся на лифте на двенадцатый этаж. Здесь размещалось представительство Хозяйственного управления ВКС, где, по предъявлении опознавательного чипа, Эрик получил флотский вещмешок-рюкзак с положенным ему по уставу имуществом. Судя по тому, что форма, белье и обувь соответствовали его размерам, нетрудно было догадаться, что заказ был сделан заранее, то есть тогда, когда Эрик еще не знал, что окажется в этот день в этом порту.

«Заботливые люди!» Но главное – это то, что люди эти в

Эрика поверили.

Итак, он был экипирован и, как и предполагалось расчётом времени, никуда не опаздывал. Тем не менее Эрик решил не рисковать и выпить чашку кофе в непосредственной близости от 53-го причала. Коммуникатор, выданный ему все тем же хозяйственным управлением ВКС, легко подсоединился к базе данных космопорта, и уже через минуту Эрик удостоверился, что кафе-закусочная на причале действительно есть, и что искомое заведение сейчас открыто. Поэтому полчаса, оставшиеся до посадки на транспорт, он провёл, сидя за столиком, в крошечном кафе, где варили дрянной эрзац-кофе и подавали отдающую сивушными маслами водку. Но огорчить его такой ерундой было невозможно. С его жизненным опытом, Эрик умел наслаждаться малым. И он наслаждался по полной. А ещё через полчаса армейский транспорт «Тета-349» «оттолкнулся» от стартового стола, плавно взмыл на антигравитационном приводе к границе стратосферы и, включив маршевые двигатели, попер... Куда?

– А куда мы, собственно, направляемся? – спросил Эрик кадваранга Эльста, сидевшего в соседнем кресле.

Он уже успел увидеть и оценить, что «Тета-349» – это маленький грузопассажирский транспорт типа «Муравей», до отказа набитый стандартными флотскими контейнерами, а пассажиров на нем всего три десятка, и все они служащие ВКС. Ну, а прикинув, что автономность и дальность хода у

«муравьев» весьма ограничены, пришел к выводу, что летят они на какую-то космическую станцию, находящуюся в пределах пары часов полета от планеты.

— Мы летим на корабль-матку «Пакс Романа»¹⁹, — объяснил кавторанг. — Ты будешь на нем служить, Эрик. Как, впрочем, и я... Ах да! Чуть не забыл. Ты назначен пилотом на тяжелый ракетоносец «Вымпел-7», входящий в третью штурмовую бригаду, командиром которой является твой покорный слуга...

«И это многое объясняет».

Если честно, чего-то в этом роде Эрик и ожидал. Все к тому шло. Но вот какое дело, он никак не ожидал, что попадет на «носитель» — как называют иногда на флоте корабли-матки, — и, соответственно, не успел подготовиться, так что не знал пока ни того, что это за корабль, ни того, сколько ракетоносцев входит в стандартную штурмовую бригаду, и сколько таких бригад базируется на один корабль. Он даже не знал, какие именно модификации «вулканов» входят в 3-ю бригаду, а потому не мог точно сказать, каков по размеру экипаж ракетоносца.

«Придется потерпеть, — вздохнул он мысленно, — рано или поздно все тайное становится явным».

Он не ошибся. Попробуй ошибиться, если оперируешь предложениями самого общего порядка. Но так или иначе, еще через два часа он увидел «Пакс Романа» во плоти и понял,

¹⁹ Pax Romana (Пакс Романа) — «Римский мир».

что никогда прежде не видел таких больших кораблей. Не в жизни, разумеется, – где бы он мог их увидеть? – а в учебных фильмах, но тем не менее. Он даже не предполагал, что такие существуют. Носитель был попросту огромен.

– Доверю тебе военную тайну, мичман, – улыбнулся, глядя на него, кавторанг, – этот монстр несет на себе четыре бригады ракетносцев, по шесть бортов в каждой, порядка ста истребителей и полста вспомогательных судов, включая большие десантные боты. Я тебя впечатлил?

– Да. – И это все, что мог сказать Эрик. Он был впечатлен – это факт.

– Ну, тогда кое-что добавлю, пожалуй, если тебя это попросту не добьет.

– Добивайте! – согласился Эрик.

– На «Пакс Романа» нет «вулканов», – сказал Эльст и сделал паузу, наслаждаясь выражением лица Эрика. – Их нет, потому что корабль оснащен «гефестами» – совершенно новой модификацией ракетносца. Автономность – двенадцать суток, на вооружении восемь тяжелых противокорабельных ракет, пять лазерных кластеров периметра, четыре артиллерийских автомата для стрельбы по ближним целям. Экипаж – двенадцать человек, из них трое пилоты, включая тебя, но с адаптивным интерфейсом можешь работать только ты. Где-то так.

Окончательно определиться с размерами «носителя» Эрик смог во время швартовки. Во внутренние доки транспорт не пустили, и «муравей» притерся к выносной причальной башне. Длину ее Эрик оценил на глаз в восемьсот с небольшим метров, диаметр – метров тридцать. Внутри башни находились грузовой транспортер и пассажирский лифт, так что зону невесомости Эрик, как и другие пассажиры «Теты», преодолел быстро и безболезненно, сидя в стакане лифта, гравитация в котором возникала за счет ускорения движения.

Затем они прошли через переходной тамбур и оказались в зоне пониженной гравитации, через которую во всех основных направлениях проходили магистрали линий «метро». Вагончик на магнитной подушке двигался довольно быстро и совершенно бесшумно. Пятиминутная поездка в поперечной плоскости, скоростной лифт до семнадцатого уровня и еще шесть минут движения в продольной плоскости. Всего-навсего пятнадцать минут и две зоны повышения гравитации, и через дополнительный тамбур Эрик и кавторанг Эльст прошли во вторую обитаемую зону. Здесь их встретил старшина первой статьи из старослужащих, являвшийся в жилой зоне кем-то вроде администратора в отеле. Он провел Эрика в предназначенную ему каюту, где тот оставил свои вещи,

загрузил в коммуникатор «господина мичмана» план-схему помещений корабля, в которые тот имел доступ, и, наконец, проводил в кают-компанию ударных ракетноносцев.

Кают-компания оказалась просторной, светлой, хорошо и умно устроенной, но при этом без излишних претензий на роскошь. В обеденной зоне стояли буфет и столики на четверых, в зоне отдыха – кресла, диваны и журнальные столики. Небольшой бар: машина для приготовления горячих напитков, автоматы для продажи алкоголя и сигарет, двухдверный холодильник и довольно продвинутый музыкальный комбайн. Два панорамных окна с видом на морское побережье, несколько компьютерных терминалов и голографических проекторов и небольшой «книжный» шкаф, в котором на открытых полках были собраны информационные носители разного типа. В целом это помещение было оборудовано гораздо лучше, чем кают-компания в звездной академии, да и выглядело куда элегантней.

Эрик вошел в кают-компанию не без робости: начиналась новая полоса его жизни. Он огляделся. Народу в зале было относительно немного, но его внимание привлекла довольно большая группа офицеров, расположившихся в зоне отдыха. Центром компании являлся кавторанг Эльст, он и позвал Эрика, сделав приглашающий жест рукой.

– Ну, вот, господа, – сказал кавторанг, вставая навстречу Эрику, – прошу любить и жаловать. Мичман Эрик Минц – новый пилот на «Вымпел-7».

– А не слишком молодой? – спросила подтянутая женщина средних лет с капитан-лейтенантскими погонами.

– Так точно, сэр! – с улыбкой козырнул Эрик. – Как есть сопливый малолетка!

Смутить этим женщину не смутил, но интерес вызвал.

– Эрик способен работать с адаптивным интерфейсом, – пояснил между тем Эльст. – И кстати, познакомься, Эрик, это твой командир капитан-лейтенант Эльга Линдблат.

– А почему он мичман, а не лейтенант? – спросил кто-то из офицеров.

– Потому что я штрафник, – опередив Эльста, ответил Эрик. – Я, видите ли, вылетел из академии, пришлось идти в обход.

– Господа, – вмешался Эльст, увидев, по-видимому, что многие из присутствующих задались закономерным вопросом, за что же парня вышибли из звездной академии, и из какой именно академии? – Имел место дисциплинарный конфликт. Академия на Иль-де-Франс. И на этом всё! Не будем ворошить прошлое, лучше посмотрим в будущее.

– А что у нас в будущем? – спросил молоденький младший лейтенант инженерной службы. Судя по внешнему виду и манере поведения, парень едва выпустился из инженерной академии или из одного из высших военно-инженерных училищ ВКС.

– Сначала выпьем за нового сослуживца, – предложил кап-три, сидевший рядом с Эльгой.

Поскольку никто не возражал, сразу и выпили. Эрик тоже взял со столика стопку граненого стекла, вместимостью в два шота²⁰, и под любопытствующими взглядами своих новых сослуживцев опрокинул надо ртом. Один глоток, и все. Даже мускул на лице не дрогнул. Он этот фокус специально разучил, хотя в то время еще не знал, пригодится или нет. Оказалось, тренировки не пропали зря: и выпил легко, и вкус оценил. Однозначно не водка, и, вообще, ни один из тех напитков, которые ему довелось пробовать. Но Эрику эта «штука» скорее понравилась, чем наоборот.

– Прошу прощения, господа, – спросил он, выдохнув и снова вдохнув носом, – но что это было?

– Это текила, – объяснила капитан-лейтенант. – Ты алкоголик?

– Нет, сэр!

– Не сэркай! – усмехнулась женщина. – Во-первых, правило кают-компаний – без чинов. А во-вторых, нам с тобой летать. Называй меня командиром или Хеге. Зависит от ситуации.

– Спасибо, командир, – поблагодарил Эрик. – Я Рик, если что. Для вас, господа, тоже.

Среди «господ» было как минимум пять женщин, но правила одни для всех, так что коли офицер, то по определению

²⁰ Обычно стандартный объем американского шота (single shot, порция) – составляет 45 мл крепкого алкоголя. Соответственно, двойная порция – это 90 мл водки, виски или коньяка.

не мэм.

– Ну, вот, – подытожил Эльст. – Познакомились, и славно. Теперь о планах. Нас засылают к черту на куличики. В систему Фронтира. Место, если кто не знает, мерзопакостное, – если иметь в виду политическую ситуацию, – но начальству виднее. Приказ выдан. Полагаю, часа через два-три объявят тревогу, и начнем выдвигаться. Кто будет командовать тактической группой, не знаю, но думаю, скоро узнаем. С нами идут наши фрегаты охранения, а кто еще включён в группу, бог весть...

«Фронтир...» – Эрик ходил к бару, сварил себе чашку кофе – на этот раз натурального, – и, вернувшись к компании, занял место на периферии. Сидел, слушал разговоры, подавал реплики, если к нему обращались, присматривался к экипажу и другим офицерам. Отмечал особенности, давал первичные определения, классифицировал.

Из двенадцати членов экипажа «Вымпела-7» в кают-компании присутствовали пятеро: командир, пилот-навигатор, инженер и главный оружейник. Эрик был пятым и самым младшим по званию. Капитан-лейтенант Линдблат выглядела спокойной и уверенной в себе женщиной. Наверное, такой и была. Служит давно: лет пятнадцать-двадцать. Замуж пока не вышла, иначе бы оставила флот. На Эрика пару раз посмотрела недвусмысленным, оценивающим взглядом. Может быть, хочет поиметь. Правда, устав ВКС *сожительство между членами одного экипажа и принуждение к таковому*

младшего по званию старшим не поощряет. Впрочем, это в теории, а как обстоят дела на практике, иди знай! С другой стороны, как женщина, Эльга Эрику понравилась, и, если дойдет до дела, он отказываться не станет.

Остальные трое – мужчины в возрасте от двадцати до тридцати лет. Инженер – младший лейтенант, навигатор и оружейник – лейтенанты. Люди вроде бы неплохие. Но это лишь первое впечатление, а там, глядишь, будет и второе, и третье. Так что *будем посмотреть*.

Оставались многочисленные офицеры бригады, но с этими – во всяком случае, в основной массе – Эрик предполагал познакомиться позже. Впрочем, кое-кто не стал откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Где-то через полчаса после выступления комбрига к Эрику подсел лейтенант-инженер из другого экипажа и провел довольно откровенный зондаж. Но Эрик вырос в таких местах, где к гомосексуализму относились с большим подозрением, а то и хуже. Обижать лейтенанта он, конечно, не стал, но сразу и недвусмысленно дал понять, что, уважая склонности других, сам он предпочитает женщин. Лейтенант внял и удалился так же тихо, как пришел. Но их разговор – случайно или намеренно – слышала пилот с «Вымпела-5». Эта женщина была хоть и сильно старше Эрика, но в то же время гораздо младше командира «Вымпела-7». Решительная, как большинство пилотов, она с ходу взяла быка за рога.

– Как переносишь подпространственный переход? – спро-

сила, когда Эрик варил себе новую порцию кофе.

– Нормально, – пожал плечами Эрик. – А почему спрашиваешь?

– Первый прыжок будет длинным. Часов на восемь затянется. Не хочешь составить мне компанию?

То, что первый переход легче просчитать, а значит, он будет сразу на большую дистанцию, не секрет. Это знал даже Эрик. Двенадцать часов разгона, прыжок длительностью шесть-восемь часов субъективного времени и новый разгон, который может быть простым или сложным в зависимости от привходящих факторов, но никогда не завершается меньше чем за шесть часов. Если штурманы успеют определиться с точным местонахождением корабля и смогут сразу найти подходящую «точку выхода» из подпространства, последует новый прыжок, но он всегда будет как минимум вдвое короче первого прыжка. Впрочем, лейтенант спросила Эрика о другом. По традиции члены экипажа, не занятые на вахтах, проводят время первого перехода в постелях. Некоторые даже снотворное принимают. Но если организм позволяет, отчего бы в это время не заняться сексом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.